4. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // Studia Linguistica Cognitiva. Вып. 1: Язык и познание: методологические проблемы и перспективы. М. : Гнозис, 2006. С. 45–65.

5. Гак В.Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб. : Наука, 1996. С. 6–26.

6. Кравченко А.В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1996.

7. Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М. : Индрик, 2003. С. 439–446.

8. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М. : Яз. рус. культуры, 2000. С. 84–92.

9. Кустова Г.И. Перцептивные события: участники, наблюдатели, локусы // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. М. : Индрик, 1999. С. 229–243.

10. Падучева Е.В. Наблюдатель как эксперимент «за кадром» // Слово в грамматике и словаре. М. : Яз. слав. культуры, 2000. С. 185–201.

11. Рузин И.Г. Когнитивные стратегии именования: модусы перцепции (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус) и их выражение в языке // Вопр. языкознания. 1994. № 6. С. 79–100.

12. Семенова Т.И. Антропоцентризм модуса кажимости // Вестн. Новосиб. гос. ун-та: Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. Т. 4. Вып. 2. С. 148–154.

Источники

ZEIT ONLINE. URL: http//www.zeit.de.
SPIEHEL ONLINE. URL: http//www.spiegel.de.

Spatial aspect of a situation of cognition (by the material of verbalization of smell perception)

There is shown the language representation of one of the aspects of a situation of smell cognition by a person. The analysis of the material is carried out on the basis of the idea of linguistic forms validity by the cognitive processes of a person, which allows finding out the regularities of conceptualization of the place of smell on the basis of language formations.

Key words: *cognitive situation, olfactory perceptive channel, language explication, category "place", localizer, spatial guideline, smell source, olfactory image.*

В.Ю. КЛЕЙМЕНОВА
(Санкт-Петербург)

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА КАК МОДЕЛЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Описаны такие характеристики модели, как обобщенность, антропоцентричность и фантастичность. С помощью сравнительного анализа средств актуализации общего моделируемого объекта в фикциональных мирах, созданных разными авторами, иллюстрируется актуализация в тексте индивидуального восприятия действительности.

Ключевые слова: *модель, антропоцентричность, фантастичность, обобщенность, фикциональный мир, вымысел, нереализуемость элементов.*

Понятия «модель» и «моделирование» давно и прочно заняли место в метаязыке науки. В гуманитаристике модель рассматривается как инструмент познания, т.е. мысленно представляемая или материализованная система, замещающая объект изучения в процессе решения конкретных задач и дающая информацию об изучаемом объекте, если последний недоступен для непосредственного использования в процессе исследования [1, с. 146; 3, с. 90; 9, с. 19]. По мнению Ю.М. Лотмана, художественное произведение представляет собой определенную модель мира [5, с. 46], а художественный текст «имитирует реальность, создает из своего системного, по самой своей сути, материала модель внесистемности» [6, с. 69].

Для получения нового знания об объекте модель должна не удваивать объект, а создавать его иную реальность, в том числе и внешне похожую на действительность. Первым отличием объекта и модели является *обобщенный характер* последней. Текст одновременно моделирует и частное, и универсальное – отображенный объект имеет тенденцию к неограниченному расширению и одновременно воспринимается как сужающийся, это сопоставление отдельного и всякого (Там же, с. 206). Модель мира, актуализированная в тексте, отрывается от «зеркального отображения реалий» за счет того, что отдельные фрагменты мира могут быть прописаны более подробно, чем другие. Самый значимый фрагмент прописан наиболее подробно, и каждая деталь, попав в этот фрагмент, воспринимается как зна-

© Клейменова В.Ю., 2013

чительная; кроме того, в модель вводятся несуществующие, собственно фантастические элементы [8, с. 46]. Фикциональный мир – это актуализированная в конечном тексте модель мира как безграничного объекта, она имеет универсальный характер, рождающийся из отображения эпизодов действительности.

Обобщенность модели достигается за счет повествования о поведении персонажей в типичных для имплицитного читателя ситуациях, представленных с помощью насыщенных реалистическими подробностями подробных описаний. Например, в тексте сказки моделируется фикциональный аналог ситуации, типичной для современного ребенка: описанный в мельчайших деталях процесс освоения магии как наиболее важного социально дифференцированного знания имитирует обучение в реальной школе. Во время контрольной работы девочки должны приготовить веселящее зелье, но главная героиня Милдред не выучила рецепт. Ее поведение узнаваемо для любого ученика, побывавшего в аналогичной ситуации: надежда, попытки списать, сомнения и неуверенность. *... **hoping** she had learned the right spell, ... No textbooks to be used – **put that book away** this instant, Mildred!; Mildred **stared at it doubtfully.** ... replied Mildred, **not very definitely;** Mildred stood on tiptoe **to sneak a look** at the colour of Ethel's potion* [11, с. 39–41].

В дальнейшем автор не только констатирует факт неправильного выполнения задания, но и называет действия, используемые предметы, описывает оттенки цвета и консистенцию жидкости, ингредиенты, влияющие на изменение окраски, приблизительное время протекания реакции. *When everything was stirred together in the cauldron, the bubbling liquid was bright pink. Mildred stared at it doubtfully. 'I'm sure it should be green,' she said. 'In fact I'm sure we should have put in a handful of pondweed-gathered-at-midnight.' <...> Mildred grabbed the pondweed and dropped it into the mixture. They took stirring it for a few minutes until it began to turn dark green* [11, с. 40, 41]. Языковые средства, использованные для описания ситуации, служат воссозданию атмосферы школьного урока химии (*bubbling liquid, mixture, to turn dark green, to sort through the ingredients, test-tube*), исключение составляют слова *cauldron, pondweed-gathered-at-midnight, potion,* в импликационал которых входят устойчивые ассоциации со сферой магии и волшебства. Семантика глаголов позволяет проследить изменение психологического состояния персонажа. Нерешительность и колебания при приеме решения подчеркнуты использованием глаголов, содержащих сему 'процессуальность' (*to stir, to stare*) и прямых наименований признака действий (*doubtfully, not very definitely*), а после принятия решения персонаж совершает действия в стремительном темпе (*to grab, to drop, to take stirring*).

В результате ошибки девочки становятся невидимыми, и обретение ими физической формы также подробно описано: скорость и этапы протекания реакции, поведение персонажей в ходе процесса. *Everyone had left the room by the time the two young witches finally began to reappear. This was a very slow process, with first the head and then the rest of the body becoming gradually visible. 'I'm sorry,' said Mildred's head and shoulders* [11, с. 43]. Продолжительность процесса подчеркнута использованием метонимии (*said Mildred's head and shoulders*), синонимического повтора (*to reappear – to become visible, slow – gradually*), наречия-усилителя *finally.* Фантастический процесс описан с помощью лексических единиц, не содержащих в своей семантической структуре элемента «вымышленный, фиктивный».

В то же время автор отказывается от описания целого ряда фрагментов моделируемого объекта, что обусловлено не отсутствием знания об объекте, т.к. автор знает все о порожденном его творческим воображением фикциональном мире, а нерелевантностью практическим целям моделирования некоторых фрагментов. Так, в рассматриваемом примере не указываются количество учащихся в классе, размер классной комнаты, температура и влажность воздуха в помещении, объем сосуда, система выставления оценок, статус теста в учебном плане и т.д. В качестве воспроизведения единичного объекта модель сохраняет наглядность, но отсечение избыточного позволяет рассматривать ее не как конкретно-индивидуальный, а как обобщенно-абстрактный конструкт.

Таким образом, обобщенный характер актуализированной в тексте модели обеспечивается выбором типичной ситуации в качестве объекта моделирования, отказом от репрезентации несущественных, по мнению автора, деталей и использованием преимущественно «реальной» лексики в описании фантастической ситуации.

Вторым существенным отличием модели от объекта следует признать ее антропоцентричность. Структура и содержание модели формируются авторским видением мира и

его аксиологической системой, «они представляют не только внешний мир, но и самого познающего субъекта» [7, с. 93]. В тексте моделируется «не реальный мир вообще, но реальность, пропущенная сквозь призму сознания, ставшая его содержимым. Действительность в произведении искусства предстает пред нами не как она есть, но в чьем-то представлении о ней, мы видим мир не сам по себе, но мысль о мире, видение его» [2, с. 8]. Следовательно, разнообразие индивидуально авторских вариантов модели реальности является неизбежным. Во-первых, модель коммуникативно обусловлена. Характеристики участников процесса литературной коммуникации – как реального автора, так и имплицитного читателя – формируют особенности модели, реализованной в тексте. «Одна и та же структура или одна и та же модель может приобретать совершенно неузнаваемый вид, если учитывать, что они являются структурами и моделями именно человеческого общения» [4, с. 33]. Во-вторых, существенной характеристикой модели является возможность обозначения объекта или предиката через иное, причем такое противопоставление исходит из человека как точки отсчета. Таким образом, становится возможным рождение художественного образа, в результате чего реальность предстает пред нами в измененном виде [8, с. 8].

Актуализация в тексте индивидуального восприятия действительности реализуется путем обозначения предиката через иное и порождение образности, что может быть проиллюстрировано с помощью сравнительного анализа средств актуализации общего моделируемого объекта в фикциональных мирах, созданных разными авторами. Например, в текстах К.С. Льюиса, Дж. Мерфи представлен типичный для детского социума элемент: ученики, которые задирают и дразнят остальных школьников. В различных фикциональных мирах для номинации этого типа персонажей используется узуальная лексическая единица *bully,* но индивидуальное содержание понятия и языковые средства его актуализации не совпадают у разных авторов.

Для раскрытия индивидуальных особенностей Этель Халлоу (персонажа Дж. Мерфи) в словах автора используются лексические единицы, прямо называющие ее неприятную манеру вести беседу (*bossy, couldn't resist being nasty, sneered, gave a shriek of laughter, observed unpleasantly, jeered*). Речевая характеристика персонажа формируется благодаря использованию:

- сравнений, содержащих отрицательный оценочный компонент (*You're both as bad as each other* [11, с. 30]; *Perhaps being worst at everything is catching – you know, like measles* [12, с. 73]);
- метафор, в которых означаемое представлено уничижительным означающим и сопровождается эпитетом-деффемизмом (*I think Miss Cackle should have let you keep that* ***moth-eaten stripy rug*** (о котенке) (Там же, с. 114));
- риторических вопросов, отсылающих к предыдущему негативному опыту собеседника (*Like you did? Wasn't it last week that you crashed into the dustbins?* [11, с. 30]; *How many minutes have you been here – five, is it?* [12, с. 17]);
- сарказма и иронии (*What a dump! Thanks for the holiday, Mildred Hubble. It's going to be a laugh a minute* (Там же, с. 100));
- гиперболы (*Mildred doesn't think. At least, I didn't see much evidence of any thought last term* (Там же, с. 42)).

В «Хрониках Нарнии» школьная жизнь изображена схематически, намеками, детальное описание событий отсутствует, отдельные персонажи не персонифицированы, их речевые характеристики не приводятся. Эффект генерализации достигается за счет многократного использования графически маркированного личного местоимения *They* для обозначения школьных хулиганов (*It's* ***Them,*** *I suppose – as usual; .... I suppose you mean we ought to spend all our time sucking up to Them, and currying favour, and dancing attendance on Them like you do.;* ***They've*** *noticed it* [10, с. 549–550]), а также лексических единиц широкой семантики (*all sorts of things, ordinary school, to say any-thing*). Потенциальная семантическая вариативность местоимения реализуется в тексте за счет указания количества хулиганов, но без описания их индивидуальных особенностей (*unfortunately what ten or fifteen of the biggest boys and girls liked best was bullying the others* (Там же, с. 549)) и актуализацией в сознании читателя эмпирической конкретности возможной жизненной ситуации. Когнитивная активность читателя повышается, когда он пытается совместить свой жизненный опыт и подразумеваемую ситуацию: *Everyone at Experiment House knew what it was being "attended to" by* ***Them*** (Там же, с. 549–550). Слово *attend to* в данном контексте десемантизируется, превращается в контейнер, наполнение которого конкретным содержанием определяется умением адресата перенести известную информацию, в том числе и личный опыт, в новую ситуацию.

Использование таких стилистических приемов, как игра слов (*It used to be called a "mixed school"; some said it was not nearly so mixed as the minds of the people who ran it* [10, с. 549]), эпитет (*horrid*), придает высказыванию эмоциональность.

Рассматривая фикциональный мир сказки как модель реальности, мы считаем необходимым к *обобщенности* и *антропоцентричности* как признакам, отличающим модель от объекта, добавить еще и *фантастичность,* т.е. экзистенциональную нереализуемость отдельных элементов модели. В этом, по нашему мнению, состоит главная и парадоксальная особенность этой модели. Использование модуса «волшебный» применительно к отдельным пространственно-временным и информационно-бытовым характеристикам модели не влечет за собой изменений в ее социально-психологических аспектах и, следовательно, не препятствует выполнению ею главной функции – замещать объект в процессе получения знания о внетекстовой реальности. Нереализуемость отдельных элементов не препятствует получению необходимой информации в силу того, что явленная в тексте модель не есть сущность, адекватная подлинному объекту, она предстает перед читателем как принятое по договоренности тождество «репрезентатора и объекта, которое кажется "правильным", поскольку соответствует принятому набору форм и образцов» [7, с. 93].

Рассмотрим речь директора школы, обращенную к нарушительнице дисциплины. *"'**Really,** Mildred,' Miss Cackle said in a tired voice, 'I have run out of things to say to you. Week after week you come here, sent by every member of staff in the school, and my words just seem to go straight in one ear and out of the other. You will never get the Witches' Higher Certificate if this appalling conduct continues. You must be the worst witch in the entire school. Whenever there's any trouble you are nearly always to be found at the bottom of it, and it's just not good enough, my dear. Now, what have you to say for yourself this time?"* [11, с. 49].

Экзистенционально нереализуемые элементы представлены лексемой *witch* и авторским неологизмом *the Witches' Higher Certificate,* что позволяет говорить о фантастичности всего высказывания, которое, тем не менее, не препятствует получению читателем информации о том, что упорный труд и надлежащее поведение являются обязательными условиями успешного окончания учебного заведения. Языковые средства, обеспечивающие доступность этой информации, весьма разнообразны. Фонетические особенности речи переданы графически, использованием курсива, таким образом, сильные позиции (начало и конец высказывания) маркируют повторяемость описываемой ситуации и выбор лексического оформления высказывания представляется логически оправданным. Употребление фразеологизмов (*run out of, words just seem to go straight in one ear and out of the other*), эпитетов (*appalling, tired*), лексических повторов (*week, school*), слов-усилителей (***entire** school, whenever*) делает речь педагога эмоциональной, убедительной, вызывает у читателя устойчивые ассоциации с собственным коммуникативным опытом.

Таким образом, актуализированный в тексте английской волшебной литературной сказки фикциональный мир как модель реальности объединяет в себе и «объективные» знания, т.е. простые пропозиции, специальные факты и правила продукций, и «субъективные», т.е. ценности и их иерархии, когнитивные структуры, обобщающие опыт индивида и социума. Этот мир представляет собой сумму смыслов, усвоенных из различных источников в процессе кросс-ментального взаимодействия, и, следовательно, обладает двойственной природой. С одной стороны, он изменчив и дискурсивен, т.к. передает систему идей от субъекта к субъекту только в процессе речемыслительной деятельности, в процессе которой возможны различные интерпретации, с другой – стабилен, перманентен, т.к. отображен в тексте, имеющем конечную постоянную форму, в некой языковой реальности.

Литература

1. Богославская В.В. Моделирование текста: Лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. 2-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2008.

2. Борухов Б.Л. Онтология художественного текста // Художественный текст: онтология и интерпретация: сб. ст. Саратов, 1992. С. 4–15.

3. Бургин М.С. Введение в современную точную методологию науки: структуры систем знания. М. : Аспект Пресс, 1994.

4. Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М. : Едиториал УРСС, 2004.

5. Лотман М.Ю. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М. : Гнозис, 1994. С. 17–246.

6. Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство - СПб, 2005.

7. Микешина Л.А. Философия науки : учеб. пособие. М. : Изд. дом Междунар. ун-та в Москве, 2006.

8. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. 4-е изд. М. : ЛИБРОКОМ, 2009.

9. Штофф В.А. Моделирование и философия. М.; Л. : Наука, 1966.

10. Lewis C.S. The Last Battle // Lewis C.S. The Chronicles of Narnia. HarperCollins Publishers, 2008. P. 665–767.

11. Murphy J. The Worst Witch. Penguin Books, London, 2001.

12. Murphy J. The Worst Witch. All at sea. Penguin Books, London, 1993.

English literary tale as the model of reality

There are described such characteristics of the model as generalization, anthropocentrism and fantastic nature. Via the comparative analysis of the means of actualization of the general modeled object in fiction worlds created by different authors there is illustrated the actualization in the text of the individual perception of reality.

Key words: *model, anthropocentrism, fantastic nature, generalization, fiction world, invention, non-performability of elements.*

Ю.В. СЕМОЧКИНА
(Самара)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РАЗЛИЧНЫХ СПОСОБОВ ПЕРЕДАЧИ ИНФОРМАЦИИ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ПОДТЕКСТА В РАССКАЗЕ У. ФОЛКНЕРА «УОШ»

Показаны способы передачи информации, образующие подтекст за счет структурных связей между элементами текста. Средства выражения подтекста, в свою очередь, используют схожие семиотические механизмы, что обусловливает возможность участия их в единой структуре.

Ключевые слова: *подтекст, импликация, аллюзия, стилистические приемы, авторский замысел.*

В многочисленных исследованиях в области поэтики и теории художественного текста неоднократно отмечалось, что семиотическая структура художественного текста характеризуется высоким уровнем сложности. Результатом этого выступает избыточность информации в художественном тексте. В связи с этим возникает вопрос: является ли избыточная информация в художественном тексте уникальной или она повторяется при помощи разных средств? Если различные элементы семиотической структуры художественного текста повторяют друг друга, то может ли читатель при наличии соответствующих навыков восприятия компенсировать отсутствие информации о том, что оставлено автором в подтексте, за счет информации, передаваемой другими элементами текста?

Для решения поставленных выше вопросов рассмотрим структуру художественного текста на примере рассказа У. Фолкнера «Уош». Выбор материала обусловлен тем, что данное произведение принадлежит к так называемому «Йокнапатофскому циклу» великого американского писателя, лауреата Нобелевской премии, У. Фолкнера. Как известно, произведения этого цикла связаны между собой единством места действия (воображаемый округ Йокнапатофа), времени (начало XIX – середина XX в.), тематики (расцвет и упадок рабовладельческого Юга) [5]. Однако каждый отдельно взятый роман или рассказ этого цикла абсолютно самодостаточен и представляет собой независимое художественное произведение. Произведения Фолкнера неоднократно становились объектом и источником материала для исследований как литературоведческой, так и лингвистической направленности и в нашей стране, и за рубежом. Так, Т.Б. Назарова иллюстрирует свой метод герменевтики художественного текста на примере рассказа “A RoseforEmily” [4]. В.Г. Локтионова использует прозу У. Фолкнера как один из основных источников материала для исследования информационного потенциала повествовательного предложения [3]. С. Гарагуля рассматривает романы «Шум и ярость» и «Свет в августе» с точки зрения антропонимической прагматики [1]. А. Измайлов использует материал У. Фолкнера для решения вопросов сохранения экспрессивных характеристик текста при переводе [2].

Основной темой рассказа служит конфликт между двумя ключевыми персонажами «Йокнапатофского цикла» – полковником Сатпеном и Уошем Джонсом. Сатпен является для Фолкнера едва ли не олицетворением южной «знати» вообще. Уош Джонс же олицетворяет другую социальную прослойку Юга – так называемое «белое отребье» (“whitetrash”), людей, которые жили своим трудом, прозябая в нищете, и не получа-

© Семочкина Ю.В., 2013